

ГАДЖИЕВ Камалудин Серажудинович –

д.и.н., профессор, главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН

117997, Россия, г. Москва, ул. Профсоюзная, 23.

gajievks@mail.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ ДЕМОКРАТИИ В ВЕК ИНФОРМАЦИОННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

PROSPECTS FOR DEMOCRACY IN THE ERA OF IT REVOLUTION

В статье предпринята попытка выявить и проанализировать одно из направлений эволюции современной западной модели демократии в условиях информационно-телекоммуникационной революции и глобализации. Главное внимание уделено тенденции пересмотра и переоценки некоторых базовых ценностей, принципов и установок нового либерализма, на протяжении почти всего XX в. служивших основой политической демократии. Обосновывается тезис, согласно которому постепенно у части западного интеллектуального истеблишмента и политической элиты либерализм перерождается в либертариизм, в идее демократии верх берут крайние варианты трактовки прав и свобод человека.

Ключевые слова: демократия, либерализм, либертариизм, Запад, мир, права человека, свобода, политика, государство

The paper attempts identifying and analyzing one of the directions of the evolution of the modern Western-style democracy in conditions of information and telecommunication revolution and globalization. The main attention is paid to the trends of reviewing and re-evaluation of some basic values, principles and guidelines of the new liberalism, which during the 20th century served as the basis of political democracy. The author substantiates the thesis that a part of the Western intellectual establishment and political elite tries to regenerate liberalism into libertarianism, and the extreme variants of human rights and freedoms are dominating in the in the contemporary interpretation of democracy.

Keywords: democracy, liberalism, libertarianism, crisis, society, West, world, human rights, freedoms, politics, state

В конце XX в. в условиях кризиса марксизма и «левизны» в целом идея демократии приобрела беспрецедентную популярность во всем мире. Более того, развернулась так называемая третья волна демократии, в ходе которой эту модель политической самоорганизации народов с энтузиазмом приняли многие страны всех без исключения континентов. Своего рода окончательный вердикт этому явлению был вынесен целым рядом авторов, которые провозгласили конец идеологии, истории и окончательную победу либеральной демократии как единственно пригодной для всех народов модели государственного устройства.

Однако в начале XXI в. стали наблюдаться тенденции к переоценке таких подходов. Более того, заговорили

о кризисе демократии. Журнал *The Economist* весной 2014 г. задался вопросом: «Что пошло не так с демократией?» Статью, посвященную событиям и процессам, происходящим в последние годы в Таиланде, Египте и Украине, обозреватель издания *AlterNet* (США) С. Колхаткар назвала так: «Как богатая элита расхищает демократию во всем мире»¹. Однако, как представляется, демократия не просто «расхищается» кем-то извне, она постепенно подвергается эрозии и своеобразной мутации изнутри.

В предлагаемой вниманию читателей статье предпринята попытка выявить и проанализировать некоторые наиболее важные аспекты данной

¹ Kolhatkar S. How Wealthy Elites Are Hijacking Democracy All Over the World. — *AlterNet*. 2014. May 30.

темы с точки зрения перспектив демократии.

Как верно констатировал А. Тойнби, любая цивилизация является ответом на тот или иной вызов истории, предполагающий более или менее существенную трансформацию, возможно, кардинальную перестройку господствующей парадигмы, ценностной системы, формы политической самоорганизации народов [Тойнби 1996: 104]. Можно утверждать, что либерализм, демократия, идея прав и свобод человека представляли собой ответы на вызовы эпохи перехода от Средневековья к Новому времени, к возникновению новой, капиталистической цивилизации.

В основе всякой цивилизации, империи, мировой державы лежит определенный идеал, служащий стержнем, объединяющим различные взаимодействующие и в то же время противоречащие и конкурирующие между собой сообщества, этносы, культуры, интересы и т.д. Идеал содержит в себе и в течение определенного исторического периода генерирует историческую энергию, дающую возможность системе развиваться по пути прогресса вперед и по спирали вверх. Однако закон энтропии обязателен для любого идеала. Постепенно, но неизбежно витальная энергия, потенциал, лежащий в основе жизненного порыва идеала, рассеивается, трансформируется. Соответственно, можно говорить о начале упадка и последующего крушения цивилизации либо той или иной модели политической самоорганизации народов. М. Вебер изображал мировую историю как путь, который сатана вымостил уничтоженными ценностями. Эту мысль я изложил бы так: мировая история есть путь, который Провидение вымостило исчезнувшими культурами, цивилизациями, народами, государствами, империями.

Здесь представляется уместным напомнить, что ни одна цивилизация не исчезала с исторической арены усилиями одних только внешних сил, если становой стержень, на котором она зиждилась, не начинал подвергаться эрозии. Внешний фактор, как правило, служил лишь *ultima*

ratio, т.е. последним аргументом при распаде всех великих цивилизаций и империй прошлого. Демократия, служившая основой евроатлантической капиталистической цивилизации, не может быть исключением из этого правила.

Как известно, по историческим меркам современная демократия – сравнительно молодая форма политической самоорганизации народов. Она возникла полтора-два столетия назад у сравнительно узкой группы народов евроатлантического мира, продемонстрировала свою эффективность именно у этой группы народов в специфических условиях их господства над остальной ойкуменой. В этом смысле демократию можно рассматривать как некоторый локальный феномен, возникший на определенном отрезке истории Запада, и в этом смысле она также носит преходящий характер, как, впрочем, и множество других феноменов, казавшихся вечными, но исчезнувших в густом тумане истории. Как говорили древние римляне, *omnia orta cadunt*, т.е. все, что возникло, гибнет.

И действительно, почему же древнеегипетская цивилизация, просуществовавшая в течение 4 тысячелетий, т.е. в 2 раза дольше новой или христианской эры, еще дольше ислама и т.д., обладает меньшей исторической легитимностью, нежели нынешняя западная модель политической демократии? Зародившаяся в XVIII в. вера в свободный рынок и капитализм была хороша при обилии неосвоенных природных ресурсов и «свободных земель», особенно за пределами самой Европы.

В наши дни вся ойкумена стала единым, замкнутым на самом себе пространством, где все народы оказались в пределах одной глобальной деревни при стремительно иссякающих невозобновляемых ресурсах. Сформировавшийся ныне мир характеризуется сочетанием таких дополняющих друг друга противоположностей, как статика и динамика, устойчивость и неустойчивость, определенность и неопределенность, единообразие и разнообразие, симметрия и асимметрия, линейность и нели-

нейность, предсказуемость и непредсказуемость. Следует учесть и такие характерные для современного мира феномены, как многокультурность, полиэтничность, многосоставность обществ, стран, наций, а также наложение друг на друга и взаимное пересечение локального, национального, наднационального, транснационального, регионального и глобального начал.

Игнорируя эти реалии, исследователи пытаются доказать, что западной модели демократии нет и не может быть альтернативы. Сама идея демократии используется как своего рода миссионерский лозунг.

Опыт истории человечества свидетельствует, что любой господствующий тип государственного устройства не желает расставаться с властью и влиянием, отчаянно цепляется за свое привилегированное положение. Как отмечал К. Шмитт, «вполне естественна ситуация, когда победивший в прошлую эпоху совершенно пропускает мимо внимания новый вызов истории» [Шмитт 2000]. Порой забывают тот факт, что нередко победа представляет собой одноразовый результат. Именно в разряд такого одноразового результата подпадает идеолого-информационная победа, одержанная Западом над остальным миром в 80–90-х гг. минувшего века. Разумеется, те, кто убеждены в такой победе, могут вообразить, что создали основу *novus ordo seclorum*, т.е. нового порядка на века. Однако здесь уместно напомнить мудрую китайскую поговорку: «Цветок сегодняшней победы несет в себе семена завтрашнего поражения».

Об обоснованности этих рассуждений свидетельствует тот факт, что ничем не оправданная агрессия под прикрытием лозунга об экспорте демократической революции США и их союзников на Большом Ближнем Востоке, по сути дела, укрепила позиции уже вышедшего из бутылки джина фундаментализма и терроризма. Невозможно избавиться от ощущения, что война в Афганистане и Ираке, декларированная как анти-террористическая, незаметно перетекла в террористическую войну

самой могущественной державы мира против сначала афганского и иракского, а затем целого ряда других народов.

В вопросах, касающихся места и роли государств в мировом сообществе, особенно имперских, немаловажную роль играет фактор исторической инерции. У их руководителей и подданных, как правило, постепенно складывается убеждение в вечности миропорядка, в котором соответствующая империя занимает доминирующее положение. А Тойнби удивлялся, что, как ни парадоксально, «очень многие становятся жертвами этой странной галлюцинации». Однако, продолжал он, в действительности универсальное государство, «сколь продолжительна ни была бы его жизнь, представляет собой последнюю фазу общества перед его исчезновением, а мираж бессмертия возникает вследствие ошибочного восприятия универсального государства как цели всякого человеческого существования» [Тойнби 1996: 530].

Запад, и прежде всего США, по-видимому, как некогда Рим, хочет рассматривать себя как ось, вокруг которой вращается весь остальной мир. Говоря обо «всем мире», римляне имели в виду лишь *orbis terrarum*, под которым подразумевался средиземноморской мир, территории и народы, входящие в состав Римской империи. Теперь же создается впечатление, что американцы стремятся к тому, чтобы трансформировать современный мир в *orbis americanorum*. Руководители США к месту и не к месту повторяют лозунг о том, что Америка — исключительное государство, которому чуть ли не самим Богом предназначено руководить миром. Однако неспособность осознать несбыточность таких устремлений знаменует начало постепенного угасания соответствующего народа или соответствующей цивилизации. Вместо того чтобы смотреть на окружающий мир и делать соответствующие выводы для приспособления к его изменяющимся реальностям, империя, пораженная нарциссизмом, смотрит в зеркало и любуется собой, упиваясь своим реальным или воображаемым величием.

В условиях наступившего полицентрического миропорядка Запад сам становится проблемой с точки зрения как возникновения новых стратегических вызовов мировому сообществу, так и его реакций на эти вызовы. Главный изъян этих реакций состоит в том, что построены они без учета очевидного факта конца европоцентристского мира [Гаджиев 2011]. Запад постепенно теряет способность справляться с встающими перед ним новыми проблемами. К тому же там растет критика наследия Просвещения, все более ощутимыми становятся сдвиги в сознании людей – рост национализма, усиление позиций правого радикализма, новых модификаций нацизма, появление разного рода фобий и т.д. Возможно, эти процессы и тенденции являются провозвестниками системных и структурных составляющих новых, доселе неизвестных форм политической самоорганизации народов.

Названные и другие связанные с ними тенденции и процессы свидетельствуют о том, что западная модель жизнеустройства переживает кризис, затрагивающий все уровни – глобальный, национальный и субнациональный, вызывая на каждом из них по-своему проявляющиеся кризисы. В этом смысле нынешний мировой экономический кризис можно рассматривать как вершину айсберга или как одно из проявлений глобального кризиса, коренящегося в глубинных пластах современного общества и охватывающего социальную, социокультурную, вероисповедную, политико-культурную, политическую, идеологическую и др. сферы общественной жизни. Важно учесть и то, что этот кризис ставит последнюю точку в грандиозной саге европоцентристского миропорядка.

Как известно, в прежние эпохи окончательный удар процветавшим некогда цивилизациям наносился извне разноплеменными варварами с отсталой периферии в процессе так называемых великих и малых переселений народов. Именно в результате такого горизонтального вторжения варваров были разрушены многие мировые империи. Так, греко-римская

цивилизация в силу внутреннего разложения пала под ударами варваров, вышедших из германских лесов и пришедших из далеких азиатских степей. Тогда при негласном союзе христианства, ставшего в IV в. государственной религией Римской империи, и варваров был разрушен старый мир, и на его обломках создан новый, «совершенный» мир, в действительности оказавшийся тысячелетним царством так называемых темных веков.

В условиях информатизации и глобализации мы наблюдаем другой, встречный вектор развития. Западное общество в силу целого комплекса факторов порождает все возрастающие отряды собственных внутренних «варваров» новой генерации, подрывающих устои господствовавшего на протяжении многих веков мироустройства.

С этой точки зрения важно учесть, что масса в современном информатизирующемся мире не обязательно предполагает сборище множества людей на площади, улице, стадионе или ином открытом пространстве. Здесь массы – это множество индивидов, сидящих у своих компьютеров и общающихся друг с другом с помощью Интернета. И хотя такая толпа рассеяна чуть ли не по всему земному шару, она, тем не менее, не перестает быть толпой, не перестает быть реальностью. Не случайно так называемые *flash mobs* становятся важнейшими субъектами политической жизни, способными чуть ли не в одночасье радикально изменить ситуацию в регионе, стране и даже в мире. Об этом свидетельствуют агрессивные войны западных стран во главе с США, развязанные под флером экспорта демократических революций, серия так называемых «цветных революций» в постсоветских странах и массовые бунты в странах Северной Африки и Ближнего Востока, получившие собирательное название Арабской весны.

В последних двух феноменах ключевую роль сыграла глобализация масс. Речь идет о формировании масс мирового масштаба, превращении в условиях глобализации страновых и региональных толп, характерных

вплоть до последней четверти XX в. для Запада, во всемирные толпы. Другими словами, восхождение масс, начавшееся на Западе, ныне в новых формах неумолимо распространяется на весь остальной мир. Эти процессы отнюдь не ограничиваются низшими и даже средними этажами социальной иерархии. Имеет место неуклонное размывание линий разграничения между элитой и остальной массой, своего рода двустороннее движение. С одной стороны, «демократизация» верхов, суть которой состоит в снижении порога морально-этических и духовных ценностей, принципов и установок интеллектуальной, политической, экономической и иных элит (порой называемых цветом нации), с другой — беспрецедентное повышение образовательного уровня широчайших народных масс и продвижение самой толпы вверх по социокультурной лестнице, что означает ее сближение по своим установкам, потребностям, умонастроениям с цветом нации. В этом контексте всю касту теле- и кинознаменитостей, нынешних «звезд», «суперзвезд» нельзя рассматривать иначе как неотъемлемую составляющую нового цивилизованного охлоса. Они обеспечивают идеологию охлоса, условия для его воспроизводства, расширения, респектабилизации его статуса и т.д. Создаваемую и агрессивно навязываемую ими обществу массовую культуру можно рассматривать как инструмент тотализации, универсализации и космополитизации принципа *panem et circences* (хлеба и зрелищ). Одним из предназначений такой культуры, рассчитанной на «человека с улицы», стало предоставление человеку массы условий и возможностей «убивать время», получать при этом психологическое расслабление и наслаждение. Этот феномен особенно ярко проявляется на стадионах во время футбольных матчей, массовых концертов звезд эстрады, патриотических парадов и т.д.

По мере ослабления позиций Запада в современном мире растет его агрессивность и тают его возможности диктовать свою волю. Каждая операция по насаждению демократии, прав и

свобод человека, в конечном счете, заканчивается провалом, оборачиваясь нестабильностью и хаосом. У себя же дома во имя превратно понятых прав и свобод человека Запад всячески поощряет демонтаж всевозможных табу, ведет политику насаждения беспредельной политикорректности, зачастую характеризующейся двойными стандартами.

С одной стороны, Запад мечет громы и молнии в адрес так называемых стран-изгоев путем военной интервенции, разного рода санкций. С другой стороны, наблюдается тенденция к укоренению гуманистической антивоенной идеологии, демилитаризации и пацификации общественного сознания как интеллектуального и политического классов, так и широких масс населения. Здесь уместен парадоксальный, на первый взгляд, вывод, что избалованная достатком и комфортом Европа постепенно, подспудно, но неукротимо теряет волю к самосохранению, проявляя все более растущую невысказанную и вербально невыразимую любовь к Танатосу. Создается впечатление, что готовность к самопожертвованию европейцы предпочитают заменить дополнительными расходами на обеспечение безопасности малыми (а в идеале — нулевыми) человеческими издержками.

Этим объясняются такие феномены, как контрактные армии, высокоточное оружие, неконтактные войны, войны с нулевыми потерями и т.д. Однако чрезмерный упор на войны без потерь без учета тех кардинальных изменений, которые произошли в характере войн и конфликтов, их причин и форм проявления, говорит о тенденции к изнеженности, пацифизму и дефиците готовности нести физические, материальные, моральные издержки, столь необходимые в конкуренции и борьбе за идеалы. Западное человечество достигло невиданного уровня богатства, благосостояния, так что любой намек на возможность снижения и, тем более, потери этого положения вызывает у все более растущего числа людей дискомфорт, беспокойство, а то и страх. Как отмечал известный немецкий политолог Г. Рормозер, «широкие круги населения охватывает

чувство страха как доминирующее настроение» [Рормозер].

Но общество не может быть жизнеспособным без неких сверхличных идеалов, ради которых каждый отдельно взятый индивидуальный гражданин готов жертвовать своей жизнью. Любой идеал для своей защиты требует героев и мучеников. Иначе человечество не имело бы прометеев, икаров, исусов и т.д. Почти всегда, когда перед обществом и государством стояла дилемма выбора между собственным самосохранением и жизнью отдельно взятого человека, его правами и свободами, приоритет отдавался императиву сохранения государства. Как подчеркивал Г. фон Трейчке, «индивидуум может и должен жертвовать собой для нации. Но государство, которое жертвует собой для другого народа, не только не нравственно, но оно противоречит идее самоутверждения [Selbstbehauptung], то есть наиболее весомому, что есть в государстве». Поэтому «не следует рассматривать государство как необходимое зло, оно, наоборот, является высшей необходимостью [его] природы [hohe Naturwendigkeit]» [Treitschke 1897: 27, 19].

Вольно или невольно происходит процесс неуклонной аберрации этих священных для народов в течение большей части писаной истории человечества феноменов. Хулиганствующие девицы, устраивающие публичные совокупления в музеях или кошунственные оргии в храмах, не без успеха оттесняют на задний план великих героинь и мучениц вроде Жанны д'Арк и Зои Космодемьянской. Здесь могут возразить, что они являются современными героинями, борющимися за права и свободы человека. Можно согласиться с такой оценкой, если рассматривать в качестве главной проблемы, стоящей перед современным человечеством, освобождение человека от всех запретов и возврат к временам, когда господствовали ценности и принципы вседозволенности и промискуитета.

Иначе говоря, имеет место тенденция к ползучей детабуизации важнейших сфер общественной жизни. Проявлениями этого процесса явля-

ются шведский брак, бой- и герлфрендизм, подрывающие такие доминанты цивилизованного общества, как брак и семья. К феноменам этой же категории относятся феминизация мужчин и маскулинизация женщин, однополые браки и т.д., активно пропагандируемые, во все более растущей степени оказывающие влияние на важнейшие сферы жизни людей, в т.ч. на политику государства.

Разумеется, в трактовке этого феномена совершенно неуместны какие бы то ни было оценочные, тем более морализаторские увещания, поскольку каждый человек – хозяин своей судьбы и имеет право выбрать тот путь, который он считает соответствующим своему призванию. При всем том нельзя отрицать тот факт, что названные тенденции ведут к деформации исконно женских и мужских ролей в обществе. Об этом свидетельствует, в частности, кампания по изменению используемых веками терминов и понятий на «политкорректные» аналоги. Так, в целом ряде стран в официальных документах словосочетание «муж и жена» заменено нейтральными терминами «супруги» и «партнеры», а словосочетание «мать и отец» – на «родитель № 1 и родитель № 2». В 2009 г. в Европарламенте были запрещены обращения «мисс» и «миссис», т.к., по утверждениям некоторых правозащитников, это может оскорбить достоинство женщины. По этой же причине во Франции запрещено использование слова «мадемуазель».

Значимость этих тенденций и процессов станет очевидна, если учесть, что они чреватые стиранием традиционных различий между дозволенным и недозволенным, допустимым и неприемлемым, нормальным и ненормальным, сакральным и профанным. Размываются линии разграничения между высоким и низким, элитарным и массовым, интеллектуальным и антиинтеллектуальным, серьезным и несерьезным, прогрессивным и ретроградным.

Как показывает опыт мировых цивилизаций и империй, подобные феномены являются спутниками определенных стадий общественно-

исторического развития. Возможно, сегодня наступили сумерки известного нам в течение двух с половиной столетий мира, который, достигнув пределов своего развития, становится достоянием истории. И мы переживаем своего рода осевое время, характеризующееся тектоническими сдвигами в бытийных основах жизни во всепланетарном масштабе, переоценкой основополагающих ценностей. Одним из предвестников наступления сумерек выступает появление разного рода новых форм варварства. Их можно рассматривать как вышедшие наружу отголоски ранее сублимированных, табуизированных эгоистических потребностей, устремлений, грез, фантазий людей, не желающих более подчиняться веками установленным в обществе ценностям, принципам, обычаям, традициям и т.д. Собственно, они никогда в полной мере и не исчезали из общества, а загонялись в подсознание той или иной части людей при жизни самых совершенных цивилизаций. Время от времени, особенно в переходные периоды, они дают о себе знать в самых причудливых формах, в т.ч. в виде нового варварства в недрах господствующей цивилизации.

С учетом изложенных реалий можно утверждать, что мы живем в условиях смены эпох, которая характеризуется эрозией и разложением тех или иных господствующих ценностей, отношений, институтов и формированием новых. Было бы неразумным надеяться на то, что нам позволено пройти этот путь, беспрестанно повторяя лозунги демократии, прав и свобод человека. В зависимости от стечения множества факторов в результате таких кризисов, пертурбаций и турбулентных состояний сообщество или система либо исчезает с исторической арены, либо, получая импульсы извне и мобилизуя внутренние ресурсы, приобретает возможности выбора оптимальных ответов на внешние вызовы и встает на путь самоорганизации на новых основаниях. По большей части значимость подобных кризисов состоит в том, что в процессе их преодоления устраняются устаревшие, исчерпавшие свой ресурс, показавшие свою нежизне-

способность узлы, элементы и формируются структуры, более соответствующие современным реалиям.

Обоснованность этих аргументов подтверждается и тем фактом, что в кризисные периоды рыночная экономика и политическая демократия развязывают у масс новые надежды, которые не всегда сбываются, формирует требования, которые невозможно выполнить, вызывает страсти, которые столь часто служат причиной кровавых конфликтов, и т.д. Парадоксальным образом одновременно с увеличением числа государств, как будто вставших на рельсы демократического развития, возросло также число стран, где на поверхность вышли прежде дремлющие силы трайбалистских, межобщинных, клановых, этнических, профессиональных и иных приверженностей и ксенофобий. Они вовсе лишены каких бы то ни было симпатий и тем более устремлений к свободе, во всяком случае в современном (подчеркиваю, не либеральном, а либертаристском) ее понимании.

Об обоснованности данного тезиса свидетельствуют хаос, конфликтность, которые стали достоянием почти всех стран, которые пережили так называемую Арабскую весну, равно как и тех стран, которые стали жертвами так называемого экспорта демократической революции. На вопрос о том, может ли власть быть сильной в условиях все более растущей неопределенности, неравновесности, непредсказуемости мировых процессов, однозначно можно дать отрицательный ответ. Обоснованность такого ответа становится очевидной, если учесть, что впереди дефицит невозобновляемых ресурсов, в т.ч. пресной воды, что, естественно, предполагает все более обостряющуюся конкуренцию за эти ресурсы. Ключевую роль в этой конкуренции и порождаемых ею конфликтах и войнах будут играть не некие демократически организованные коллективы, организации, сообщества, а государства, обладающие властной волей к самоутверждению и самосохранению. Либеральная демократия, переродившаяся в демократию либертаристскую, может оказаться непригодной к такой конкуренции.

Смертельный грех государственной власти — это слабость. Бывает и так, что самая тираническая власть лучше анархии и порождаемых ею хаоса, беспредела, насилия, войны всех против всех. В истории человечества прослеживается некая закономерность: чем жестче государственная власть, тем больше вероятность того, что ее крушение будет чревато анархией и хаосом. И наоборот, чем шире и разнuzданнее демократия, защищаемая под лозунгами прав и свобод человека, тем больше вероятность установления жесткой авторитарной власти.

Толерантность, зачастую выражаемая термином «политкорректность», стала ключевой составляющей демократического мессианства. Доведенная до статуса абсолютной ценности, одинаково верной для всех времен и всех без исключения народов, она сегодня становится одним из инструментов подтачивания ключевых ценностей, на которых в течение многих столетий зиждилась евро-атлантическая цивилизация. Парадоксальным образом толерантность, которая многими мыслится как интегральная часть мифологии прав и свобод человека, претерпевает своеобразную инверсию. Во все возрастающей степени высвечивается ее обратная сторона, а именно неприятие ценностей и культур незападных народов, высмеивание их верований разного рода карикатурами, оскорбления их богов, пророков, мучеников. Это представляет для стабильности в мире и для его перспектив опасность не меньшую, чем реальные бен Ладен и его сторонники.

Благодаря Интернету создалась ситуация, при которой какая-нибудь активная группа, стремящаяся достичь власти, влияния, привилегий, способна навязать свою волю, свою модель образа жизни целым коллективам, сообществам, отдельно взятому государству, даже мировому сообществу. Иными словами, демократия большинства постепенно трансформируется во власть активных меньшинств, способных организовать «цветные революции», Арабскую весну, Майдан и др., что многие пред-

ставители западной интеллигенции рассматривают как очередное доказательство движения современного мира в направлении политической демократии.

Как правило, в общественно-политических реалиях зачастую важнее оказываются не столько те или иные идеи, взятые сами по себе, сколько то, как и в каком контексте, для каких целей они трактуются и используются. Одни и те же идеи при соответствующей упаковке и подаче могут быть использованы как для созидательных, так и для разрушительных целей. Если внимательно присмотреться к истории становления и дальнейшей эволюции либерализма, на котором базируются основные ценности современной демократии, то очевидно, что некоторые превратно истолкованные, подвергнутые редукции и примитивизации идеи используются для обоснования радикальных и даже экстремистских идеологий, будь то анархизм, либертариизм, твердый индивидуализм, рыночный, демократический и иные формы фундаментализма. В этом вопросе можно согласиться с Г. Рормозером, который называл либертариизм «извращенной» формой либерализма.

Иначе говоря, факторы, подтачивающие основы западной цивилизации, подспудно вызревают на ее же почве. Идеи, идеалы, которые в комплексе составляют основу демократии, начинают исчерпывать свою витальную энергию, свои внутренние потенции. Добившись грандиозных успехов, демократия, возможно, уже прошла пик своего развития и потеряла внутреннюю энтелихию, необходимую для продолжения пути вперед и вверх. Та модель демократии, которую Запад стремится насадить в остальном мире даже силой, достигла своих пределов, изжила свои творческие потенции и теперь претерпевает мутацию. Это свидетельствует о начале конца той эпохи, в которой она возникла и более или менее успешно функционировала.

В создавшихся ныне условиях чем больше демократии, тем больше общество нуждается в восстановлении отвергнутых табу или создании

новых запретов и принципов «золотого правила». Общество нуждается в государственных и иных внешних институтах, способных легитимно ограничивать как саму демократию, так и конкретно права и свободы человека. Иначе говоря, возникла необходимость защиты традиционной либеральной демократии от слишком рьяных демократов, а права и свободы человека — от слишком рьяных их защитников. Во всяком случае, тенденции развития современного мира в последние полтора-два десятилетия показывают, что необходим поиск путей совершенствования демократии посредством ограничения тех или иных ее ценностей, принципов, институтов, отношений и т.д. Речь идет не о бездумном противодействии демократии, правам и свободам человека как таковым, а о противодействии выхолащиванию и слепому их навязыванию всем без разбора народам, которые не брезгают при этом их экспортом силовыми методами и средствами.

Из изложенных размышлений и аргументов можно сделать вывод, что декларируемый глобальный демократически преобразованный мир представляет собой скорее виртуальный образ утопического, но никак не реально возможного мира. Было бы заблуждением рассматривать демократию в ее западном исполнении как апогей развития человечества, а ее

распространение на новые страны и регионы — как конец истории, закладывающий основу мирного сосуществования народов земного шара. Чтобы поверить в вероятность такого светло-голубого мира, следовало бы сначала начисто отбросить мысль о том, что демократия прошла слишком короткий путь и еще не выдержала испытание Историей.

Таким образом, речь идет, по сути, о необходимости переоценки демократии, ее сущностных характеристик и ценностей, места и роли в современном стремительно меняющемся мире. В этом русле возникает множество сакраментальных вопросов. Какое место в знаменитой формуле «человек — мера всех вещей» занимают героизм, мученичество, готовность жертвовать своей жизнью за ценности, принципы, идеалы, которые выше демократии, прав и свобод человека и объединяют людей, народы в единые сообщества? Способна ли демократия эффективно ответить на вызовы новых исторических реальностей? Может ли либерализм, консерватизм или какой-либо иной «изм» заполнить тот вакуум, который образовался после очевидной несостоятельности традиционных идеологических систем? Возникает и вопрос, сформулированный Дж. Бьюкененом: «Что такое демократия — наше спасение или идеология самоубийства Запада?» [Buchanan 2010].

Литература

Гаджиев К.С. 2011. *Геополитические горизонты России: контуры нового миропорядка*. 2-е изд. испр. и доп. М.: Экономика, 479 с.

Рормозер Г. Кризис либерализма. Доступ: <http://philosophy.ru/iphras/library/gormoz.html>

Тойнби А. Дж. 1996. *Постижение истории*: сборник (пер. с англ. Е.Д. Жаркова, сост. А.П. Огурцов, вступ. ст. В.И. Уколовой). М.: Прогресс; Культура.

Шмитт К. 2000. Планетарная напряженность между Востоком и Западом и противостояние Земли и Моря. — *Элементы*, № 7. Доступ: <http://arcto.ru/article/524>

Buchanan P.J. 2010. Is Democracy another God that Failed? — *The American Conservative*. January, 8.

Treitschke von H. 1897. *Politik*. Vorlesungen. Leipzig.